

Рассказ А. П. Чехова «Ионыч» в свете русской традиционной культуры

Ларионова М.

В статье рассматривается значимый для творчества А. П. Чехова образ доктора в аспекте традиционных для русской народной культуры представлений о болезни и целителях; устанавливается связь героев рассказа с персонажами фольклорного театра. Социально-психологическая фабула рассказа интерпретируется сквозь призму традиционных (сакрализованных) ценностей: утрата врачебных качеств характеризует и окружающих его людей как «мнимого доктора» и «мнимых больных».

Ключевые слова: творчество А. П. Чехова, русский фольклор, традиционные представления о болезнях и целителях.

Рассказ «Ионыч» многократно привлекал внимание исследователей. Однако, как нам кажется, далеко не все вопросы его сюжетики и поэтики полностью разрешены. Главный герой рассказа – врач. Но что из себя представляет Дмитрий Ионыч Старцев как врач? Хороший ли он доктор? Важно ли, что Ионыч представляет именно эту профессию? Думается, любопытно еще раз обратиться к рассказу с точки зрения преломления в нем традиционно-культурных представлений о враче и болезни.

В народной культуре медицина – часть общей картины мира. Люди, занимающиеся целительством, были важными фигурами. Они обладали даром противодействовать порче и сглазу, прогонять ведьм. Их называли также зелейниками за знание трав и умение лечить с их помощью. Знахарям приписывались сверхъестественные способности, что сближало их с колдунами. В. Ф. Райан не делает различия между этими занятиями. Его знахари, как и колдуны, «сильны, мрачны, грязны, у них дурной глаз, живут они в одиночестве». С. В. Максимов придерживался противоположного мнения: знахаря, в отличие от колдуна, «не надо разыскивать по кабакам и не придется заставить полупьяным, выслушивать грубости, смотреть, как он ломается, вымогает плату, угрожает и застрашивает своим косым медвежьим взглядом и посулом несчастий впереди». Кроме того, знахарь всегда «выговаривает себе малую плату».

Целители обитают «за чертой данного микромира, хотя и ... в непосредственной близости от него». Этот «пограничный» социокультурный характер профессии М. М. Бахтин объясняет тем, что врач «имеет существенное отношение к борьбе между жизнью и смертью в человеческом теле и особое отношение к родам и агонии: он участник рождения и смерти». Лиминальное положение на родного целителя определяет и его особый семейный статус: обычно этим родом деятельности занимались одинокие холостяки.

Знахари, целители имели отличительные детали одежды: ремешки, колечки, сумочки, бляшки и т. д.

С принятием христианства и сменой культурной парадигмы целители стали ассоциироваться с язычеством, что вызвало к жизни запрет прибегать к их помощи. В средние века в народном сознании знахари и колдуны, видимо, полностью отождествились: «Мифологическое мышление особенно тесно связывает между собой врачевание и колдовство, поскольку всякое лечение обязательно включает в себя ряд магических актов, рассматриваемых традиционной культурой как необходимое условие для восстановления исходного благополучия, телесного и душевного здоровья пострадавшего». По наблюдениям В. Ф. Райана, «все московские правители до Петра проявляли интерес к магии, алхимии и астрологии, потому все прибывавшие в Москву медики должны были быть

знатоками в этих областях». Эти представления сохранились до XX в.: Распутин в общественном сознании воспринимался как колдун с лекарскими способностями.

В искусстве европейского Возрождения получил широкое распространение образ доктора-шарлатана. Комическая фигура врача была популярна и в литературе XVII-XVIII вв., достаточно вспомнить Тирсо де Молино, Мольера и многих других писателей. И хотя, благодаря Мольеру, более привычно звучит «мнимый больной», его доктора – такие же мнимые: они либо изображают врача, подражая его ученой речи, как Станарель («Лекарь поневоле»), либо заставляют пациента раскошелиться, пугая его всевозможными напастями («Мнимый больной»).

Осмеяние докторов в театре dell'arte и европейской комедии В. Я. Пропп объяснял невежеством пациентов тех времен, которые «видели только внешние приемы, действия врача, но не видели и не понимали их смысла, не верили в него». Думается, кроме этой причины, были и другие.

Ортодоксальное средневековое христианство, уже овладевшее умами, поставило людей, умеющих врачевать, в один ряд с магами и колдунами, что вызвало к ним негативное отношение. В это же время появились и первые профессиональные врачи, в основном из монашеской среды. Со своей латинской речью и непонятными микстурами они, естественно, казались чужаками. Болезнь стала восприниматься как наказание за грехи, а исцеление – как искупление этих грехов, часто с помощью святых-покровителей. Широкое распространение получил жанр миракул – рассказов о болезнях и чудесных исцелениях. Но раннее Возрождение совершило переход от теоцентризма к антропоцентризму, и в центре внимания оказался человек с его не только духовными, но и телесными нуждами, в том числе болезнями и необходимостью их лечения. Однако отношение к врачам было сформировано еще в предшествующую культурную эпоху. Круг на время замкнулся.

Эти сложные и противоречивые обстоятельства привели к тому, что фигура доктора «раздвоилась»: с одной стороны, целительство стало прерогативой церкви и святых, а с другой, образ врача ушел в народную смеховую культуру. На эту связь медицины с формами народного искусства указал М.М Бахтин.

Доктор, лечащий больного щелчками и ударами дубинкой, – один из любимых персонажей и русского народного театра. Полагаем, будет уместно привести показательный фрагмент из варианта драмы «Царь Максимилиан»: «Царь Максимилиан Доктор!

Доктор Здесь я!

Я есть доктор и лекарь,

Из-под Каменного мосту аптекарь.

Умею лечить,

Умею тащить,

Умею летать,

Умею и с белым светом разлучать! Живые места вырезаю И на их место мертвые вставляю, Кровь мечу, Баб лечу. Всякое дело умею. Какое заставишь? <...> Старик, что болит? <...>

Маркуша Весь пухол!

Доктор Весь пухол? Приправить обухом, Кипятком ошпарить

Да раза три березовым поленом ударить – Будешь здоров!».

Подобным образом предполагается излечить и прочие больные места.

А вот пример из кукольной пьесы с Петрушкой:

«Доктор. Покажи, а где болит?

Петрушка. А где у вас болит?

Доктор. Я ведь доктор.

Петрушка. Я сам доктор!

Доктор. Зачем звал?

Петрушка. Зачем пришел?

Доктор. Заплатите за мой визит.

Петрушка. Сколько?

Доктор. Три рубля.

Петрушка. А у меня трех копеек нет».

В этих небольших фрагментах отражен весь комплекс представлений о докторях, сложившихся в народном сознании. Доктор, как правило, иноземец, то есть «чужой». В другой драме доктор представляется: «Я не русский, не французский». В белорусской батлейке бродячего лекаря-шарлатана называют «венгр». Венгр «лечит» своих пациентов – Панночку, Солдата – веселыми танцами, «венгерским спиртом» и березовой корой и требует за лечение «хабар». Действительно, медики в России до XVIII в. в большинстве были приезжими из Германии, Чехии, Италии. Но, думается, отношение к ним как к чужакам объясняется не только этим, но и традиционными представлениями о них как о колдунах и чародеях.

Доктор обитает в «пограничном» пространстве – под Каменным мостом. Пограничность здесь возведена в степень, место обитания многократно хтонизируется: мост в сказках, обрядовых и лирических песнях по горизонтали соединяет «этот» и «иной» мир, пространство «под» по вертикали принадлежит нижнему миру. Доктор осуществляет подмену живого мертвым, то есть связан с жизнью и смертью. Доктор ничего не смыслит в своем деле: в одной сценке Петрушка не может объяснить, что у него болит, и обвиняет врача, в том, что тот плохо учился и не может сам определить больное место. И наконец, доктор – корыстолюбец и вымогатель. Одним словом, персонаж, достойный осмеяния.

С фигурой доктора-невежды, мнимого доктора, в народную драму входит мотив надувательства. Это ли послужило причиной недоверчивого отношения к докторам в русской литературе XIX века или литература стала самостоятельной ветвью в разработке традиционного историко-культурного сюжета – сейчас сказать трудно. Очевидно только, что в литературе персонаж-врач имеет особые статусные характеристики.

Образ врача есть во многих произведениях русской литературы XIX века: доктор Вернер у Лермонтова, доктор Крупов у Герцена, тургеневский Базаров, врачи в «Войне и мире» Толстого и т.д. Тема «врачи в классической русской литературе» могла бы стать основанием отдельного исследования и вне ее связи с исторической поэтикой. Для нас сейчас важны некоторые общие признаки персонажей этого ряда. Во-первых, это часто второстепенные лица, способствующие раскрытию характера главного героя. Во-вторых, их профессиональные качества почти не выявляются, поэтому трудно сказать, насколько они хороши как врачи. Даже Базаров важен Тургеневу скорее как тип практического человека с естественнонаучным мышлением.

Литературные доктора либо иноземцы, либо чужие в том микромире, куда они попадают. Они обычно одиноки, у них нет семейных привязанностей. Как правило, не излагается их личная история. Это легко может быть объяснено второстепенным положением или однократным появлением доктора в произведении, но с точки зрения фольклорно-мифологических корней образа это еще одно под-тверждение его социокультурной «пограничности». Однако при этом доктора могут быть наделены проницательностью и особым знанием человеческой природы, они призваны врачевать не только и столько тело, сколько душу.

Чехов, несомненно, знал об исторической связи медицины с колдовством и знахарством. Об этом свидетельствуют выписки из разнообразных фольклорных текстов в «Истории врачебного дела в России». Известно, что источниками диссертации должны были стать издания русских летописей, книги Чулкова, Забылина, Снегирева и др. о народных праздниках, обрядах и суевериях. Судя по содержанию выписок, Чехов не искал в этих материалах руководства к лечению болезней. Против многих названий трав, употребляемых знахарями (плакун трава, трава Не чуй ветер, трава Песий язык), стоит его пометка – «не медицинская». Его интересовала именно история становления медицины, от знахарства к современной науке. Поэтому его привлекала мысль о гигиенической и оздоровительной подоплеке народных обрядов и суеверных представлений. Один фрагмент из книги М.

Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», выписанный Чеховым, прямо связан с нашей темой: «Разумеется, не нужно смешивать колдуна со знахарем; разница между ними та, что колдун – отщепенец веры, не носит креста, не ходит в церковь... не глотает святые дары, всем вредит, но не пользуется, напротив, знахарь – человек совершенно другого закала, он истинный христианин, он врач.». Возможно, именно мысль о милосердии и самопожертвовании как основах врачебной деятельности оказалась наиболее близка Чехову.

Однако в произведениях писателя образы врачей больше соответствуют традиционным фольклорным представлениям, а не современным ему естественнонаучным. В рассказах «Сельские эскулапы» и «Хирургия» для создания комических образов провинциальных лекарей актуализуются мотивы народного театра. Правда, главными героями в них оказываются не доктора, а фельдшеры, но в обоих случаях доктора отсутствуют, то есть не исполняют своих обязанностей, о чем свидетельствуют почти идентичные начальные фразы: «Земская больница. Утро. За отсутствием доктора, уехавшего с станковым на охоту, больных принимают фельдшера. » («Сельские эскулапы»), «Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин.» («Хирургия»).

Чеховские фельдшеры – это типичные «мнимые доктора» народных пьес: они невежественны, профессионально беспомощны, прописывают одно лекарство от всех болезней, щеголяют латинскими названиями тривиальных лечебных средств, применяют к пациентам физическую силу. В рассказе «Средство от запоя» функции врача вообще переданы парикмахеру, что вполне соответствует мировой культурной традиции, но в чеховском тексте создает комический эффект. Этот «мнимый доктор» лечит пациента ударами по голове, как доктор в гоголевском «Носе» во время осмотра больно и неожиданно щелкал майора Ковалева по тому месту, где должен был находиться нос.

Если народный смех снижает высокое, то Чехов народно-смешное возводит в ранг социальной трагедии. Это ярко проявляется в рассказе «Ионыч». Медицинская практика Дмитрия Ионыча Старцева почти не изображается. Лишь Вере Иосифовне Туркиной, давно страдающей мигренью, он «немножко помог», «и она всем гостям уже говорила, что это необыкновенный, удивительный доктор». На первый взгляд, Старцев хороший врач: он много работает, ему в течение года некогда навестить Туркиных. Но, как позже выясняется, больных, то есть мужиков, у себя в Дялиже он принимает «спешно», а потом уезжает к мнительным и капризным городским обывателям, к тем, кто может не только заплатить, но и, при минимальных усилиях с его стороны, составить ему репутацию «необыкновенного, удивительного доктора»: «Днем нажива, – жалуется он Котику, – а вечером клуб, общество картежников, хрипунов, которых я терпеть не могу». Разбогатев, он не оставляет практику не из сострадания к больным, а от жадности.

Врач, который «немножко помогает» и принимает больных «спешно», в категориях общественного сознания чеховской эпохи нарушает профессиональное правило чисто и непорочно проводить свою жизнь и свое искусство, сформулированное в клятве Гиппократов и в Факультетском обещании, которое давали выпускники медицинских факультетов, а в категориях традиционной культуры является «мнимым доктором».

Пренебрежение моральной нормой, клятвопреступление «открывает «границу» между «своим» и «чужим» мирами, вносит хаос в их отношения и соответственно делает мир людей уязвимым для враждебных сил». Образ Ионыча в рассказе постепенно приобретает демонологический характер. Знаковой деталью в этом смысле является его полнота: от «Ох, не надо бы полнеть!» в эпизоде на кладбище до «Старцев еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит.» в финале. Одышка, нездоровая полнота, красное лицо – симптомы органических дисфункций. А ведь требование «Врачу, исцелися сам!» восходит еще к Библии. Врач должен быть здоров, и это самый убедительный аргумент в пользу телесной и душевной чистоты.

Итак, Ионыч болен. А болезнь в традиционной народной культуре – это проявление некомплектности, неполноты бытия, «вторжение сил из мира «чужого»», а «любое лечение – в основе своей ритуал, нацеленный на восстановление привычного и справедливого порядка вещей». И если в бытовой практике больной врач – нежелательное, но встречающееся явление, то в мифологии и фольклоре, где болезнь воспринимается не соматически, а символически, – противоестественное и потому совершенно невозможное.

Телесное здоровье, согласно народной традиции, неразрывно связано с нравственными достоинствами и благородством. Поэтому физическое нездоровье Ионыча – это отражение его нравственного нездоровья. Болезнь – это утрата жизненной силы – судьбы и удачи: «болезнь препятствовала человеку исполнять свое главное предназначение и лишала тем самым жизнь ее высшего смысла». Если полнота и тяга к изобилию Санчо Пансы, по наблюдениям М. М. Бахтина, не носят еще «частно-эгоистического и отъединенного начала», то полнота и страсть к накоплению Ионыча имеют именно такое значение. В этом смысле он вписывается в один образный ряд с гоголевским Плюшкиным, пушкинским Скупым рыцарем, мольеровским Скупым и их архетипическим предком – сказочным Кошечем. И полнота и краснота Ионыча имеют то же симптоматическое значение душевного распада, что их худоба и костлявость.

Думается, именно от архетипа происходит включенный в структуру образа Ионыча имплицитный мотив смерти, вспомним гоголевского врача, у которого больные выздоравливают как мухи. Здоровый человек живет в гармонии с людьми и миром. Ионыч, с одной стороны, стал как все, то есть обрел эту гармонию, но с другой стороны, все не в гармонии с миром – не здоровы. Город С. – это город больных, именно так он выглядит с позиции врача Ионыча. И эта аберрация нормального восприятия является нравственным и художественным контрапунктом повествования.

Ионыч стал злым, раздражительным, как говорят, желчным, а желчь – следствие грехопадения, согласно средневековой медицинской теологии. Топанье ногами является в народно-драматических представлениях типичным жестом – знаком злобы. Палка Ионыча свидетельствует о проблемах с ногами, именно «в подобных увечьях проявляют себя силы хаоса». Человек, имеющий дело с болезнью, побеждающий ее, побеждает и хаос, которому принадлежит болезнь. Может ли одержать такую победу врач, который сам принадлежит хаосу, захвачен демонами болезней и нечистой силой?

Мотив богатства Ионыча имеет социально-исторический и нравственный смысл: Ионычем овладела жажда наживы, характерная для буржуазной эпохи, он предпочитает человеческим ценностям деньги. Но этот мотив интерпретируется и в контексте мифологии и фольклора: «обладание большим количеством денег нередко объясняется контактом человека с нечистой силой». В ассоциативное поле рассказа, таким образом, втягиваются произведения, в которых человек продает душу дьяволу ради обогащения. Вспомним хотя бы «Вечер накануне Ивана Купала», где Петро приносит в жертву ребенка. Это дополнительно характеризует Ионыча как врача, приносящего в жертву собственной жадности слабых и бессильных.

В рассказе переплетены традиционные культурные и христианские представления: в парадигме Ионыч-врач он не выполняет главного назначения врача, как это принято в христианстве, – облегчение страданий и милосердие, а в парадигме Ионыч-больной он, в соответствии с народными представлениями, – нечистая сила и потому не может вызывать сочувствия. Деграция Ионыча идет по не по пути десоциализации (он вполне социализирован), а по пути инфернализации; и эта инфернализация характеризует социум. Ионыч, с одной стороны, включился в социум, стал жить по его правилам, с другой – презирал его и был одинок.

В рассказе, повествующем о социальной и профессиональной адаптации героя, воспроизведена структура инициации. Маркером перемены статуса в контексте народной традиции является смена имени. Переименование – это часть инициационного ритуала. Но это, так сказать, инициация наоборот, не градация, а деграция: был вполне приличный

человек – стал непорядочный, был вполне приличный врач – стал плохой. Отсюда официальное «Дмитрий Ионыч Старцев» превращается в «Ионыч» – в фамильярное прозвище, к которому приложимо суждение М.М. Бахтина: «Оно (прозвище – М.Л.) по особенному связано с временем: оно фиксирует в нем момент смены и обновления... это «формула перехода» <.> Оно делает прозываемого определенным, исчерпаемым, разгаданным и больше ненужным». Добавим кстати, что фамилия Старцев заставляет вспомнить святых старцев, которые, среди прочих чудес, исцеляли больных и бесноватых. Таким образом, утратив фамилию, Ионыч утрачивает и дар целительства.

Изменение голоса тоже является знаком перемены статуса. Голос Ионыча в финале рассказа становится «тонким и резким». Пронзительные звуки, по народным поверьям, издает нечистая сила. Высокими, измененными голосами обычно говорят ряженые. А голос демонического существа – это средство, которым оно наносит вред человеку, приводит его к гибели. И это вместо исцеления!

Постепенное торжество в герое демонических признаков подчеркивается и пространственными характеристиками образа. Выше говорилось об особом, ли-минальном, месте обитания знахарей. Чеховские врачи либо приезжают издалека, как в рассказе «Случай из практики», либо находятся на границе с «иным» миром и все больше поддаются его притяжению, как доктор Рагин. Мифопоэтическое одиночество врача в «Ионыче» осмысливается сначала как аскетизм Старцева, его трудолюбие, а потом как пренебрежение к людям и своему делу – шарлатанство. Переход от врача в статус «мнимого доктора», физически и нравственно больного, происходит в пограничном локусе – на кладбище, которое, согласно народным представлениям, является местом обитания болезней.

Рассказ демонстрирует синхронное существование разновременных культурных представлений о болезни и враче: традиционное народное, где болезнь – это неудача и недостача, нарушение договора с миром, и христианское, где врач – носитель божественного милосердия и любви к ближнему, а болезнь – скверна души, грех.

Таким образом, подключение традиционно-культурного контекста дает ответы на поставленные вначале вопросы. Врачебные качества героя оказываются принципиально важными, они, а точнее – их утрата, характеризуют самого Ионыча и окружающих его людей как «мнимого доктора» и «мнимых больных». Ионыч не выдерживает испытания профессией, а значит – человечностью.